

Но среда, в которой происходило действие этого романа, не была столь близка Д. Гранину, как среда образов «Искателей». Об этом сказали критики, это ощутили читатели и, наверное, сам автор. И писатель вернулся к людям, с которыми работал бок о бок многие годы. Он далеко не все еще рассказал о «повелителях молний», со вкусом швыряющихся парадоксами вроде: «Электрическая дуга — самый яркий источник света и самое темное место в теории газового разряда». С некоторой грустью смотрел он теперь, как они работают, непрерывно, всюду, где бы ни были, всегда думая об одном; какими высокими мерками меряют научное и человеческое, как это «научное» и человеческое неразрывно и бескомпромиссно сплетено. И, наверно, жалел, что теперь в их жизни, полной поисков, он уже не участник, а наблюдатель... Впрочем, разве это так? Разве, уходя в литературную работу, человек обязательно становится наблюдателем? Наблюдение, накопление, изучение, осмысление — это лишь этапы работы. Потом, когда круговорот завершится и книга уйдет к людям, начнет им говорить о жизни,

ты уже не наблюдатель, ты уже сам вмешиваешься в течение событий.

О ЗАМЫСЛЕ «Грозы» Гранин вначале рассказывал неохотно и каждый раз по-разному. То рисовалась идея научно-фантастического романа о том, как стихию подчинили, как умелые руки физиков «выжимают» облака, словно мокрые простыни, и как грозу показывают по заявкам района школьникам в качестве учебного пособия. То будущая книга представлялась историей драмы идей, сплетающейся с драмой человеческих судеб, — от Ломоносова и Рихмана, павшего от удара молнии, к Петрову с его дугой — самым ослепительным явлением и самым темным местом теории газового разряда, и от Петрова — к искателям наших дней... То писатель задавался целью показать, что все не просто в науке, что познание абстрактных истин природного бытия всегда оборачивается конкретной пользой, как обернулись ею фарадеевские опыты с намагниченной стружкой и всего несколько десятилетий назад — непонятные лучи, используемые солями урана...

Ему хотелось рассказать, как мыслят люди, ощущающие пульсацию

Вселенной и осязающие полет античестиц. Но, начав писать о них, он не мог отстраниться от наших дней, и чем дальше, тем больше это время удивительных перемен, в котором живет он сам и мы, входило на страницы рукописи. И в итоге былой фантастический замысел неожиданно обернулся эпизодом ироническим и гневным, драма научных идей отошла на второй план, а «Иду на грозу» стал романом о времени и о людях, живущих самой высокой правдой века, о духе ленинской правды. Неслучайно в следующей работе, в киносценарии «Первый посетитель», писатель придет уже к образу самого великого человека эпохи, чьим именем мы называем эту правду.

Если просмотреть сейчас то, что было написано Д. Граниным с первого рассказа об аспиранте Савицком, с первой его повести о генерале Домбровском, «генеалогия» героев «Иду на грозу» прочертится с достаточной четкостью. Победа, которую одержал Крылов, непримиримость Дана, поражение Тулина, моральный крах агатовых и денисовых — все это долго накапливалось и выкристаллизовывалось, формировалось самим ходом жизни и, наконец, выплеснулось на

страницы, утверждая единство высокой гражданственности и преданности делу, единство честности научной и честности человеческой — тех моральных свойств, что в самом высшем своем проявлении воплощены в настоящих коммунистах.

НЕ ВСЕМ выпадает «встреча с грозой» в романтической обстановке полета. Чаше эта встреча происходит в условиях земных и прозаических до предела. Но нравственные испытания, и подчас не простые, ожидают каждого, и хорошо, если человек может, прожив с героями умной и доброй книги кусок очень знакомой ему жизни, подумать, какую позицию он обязан занять в этой встрече со своей будничной «грозой», как отличить денисовых и агатовых, тулиных и голицыных от Данкевичей и Крыловых...

«Гроза» ушла к читателю и сразу стала заметным явлением в литературе: так это бывает с книгами, в которые вложен накопленный годами жизненный багаж. А ее автор — сызнова один на один с людьми, о которых еще не успел рассказать, со своей совестью, с мыслями, которые еще не поведал читателю.